О Льве Николаевиче Толстом написано, пожалуй, уже все. Поэтому я хотел бы сосредоточиться на личных воспоминаниях, переживаниях и случаях, связанных в моей жизни с этим великим именем. И начну не со школьных воспоминаний, когда меня, вместе с одноклассниками, возили из города Донского в кажущуюся такой далекой, сказочной и привлекательной Ясную Поляну, а в более поздние, осмысленные годы.

Одним из первых моих заграничных вояжей еще в советское время была туристическая поездка в Ирландию. Поздно вечером, когда улеглись спать бдительные руководители группы, я отправился в ночное путешествие по Дублину. Надо сказать, что денег на такси у меня не было, и гулять по ночной столице мне пришлось исключительно пешком. Забрел я очень далеко, а моя гостиница была на самой окраине города. И я, конечно, заблудился.

Выхода не было: надо было спросить дорогу у кого-то из местных жителей. В одном из темных переулков я увидел парня и девушку возле автомобиля. Спросил их по-английски, как пройти до такого-то отеля. Во мне, конечно, сразу узнали иностранца. Гостеприимно предложили подвезти.

В дороге мы разговорились. Моими спасителями оказались

обычные старшеклассники. Они сразу поинтересовались, откуда я. Назвал город Тулу.

— Тула, Тува...— стали что-то припоминать школьники.

Нет, такого города они не знали.

Тогда я произнес имя моего знаменитого земляка.

— О! — сразу оживились ирландцы.— Толстой! Ясная Поляна!

Вот тогда я первый раз понял, насколько знаменит наш земляк, как он велик и всемирно известен!

Ясную Поляну я очень люблю. Приезжаю сюда всегда, когда появляется свободная минута. Здесь нахожу отдохновение, черпаю новые творческие силы, встречаю хороших знакомых и друзей. Надо сказать, что в советский период жизни страны этот чудесный уголок переживал не самые лучшие времена. Нет, здесь был хороший музей, сюда приезжали толпы экскурсантов. Но облик всемирно известной усадьбы подчас зависел от прихоти какой-нибудь номенклатурной особы. Помню, как перед очередной юбилейной датой нашего великого земляка, сюда прибыла с проверкой колоритная дама — заместитель председателя облисполкома, которая курировала культуру. На историческом «прешпекте», ведущем к дому Толстого, она слегка подвернула ногу и чуть не сломала каблук своей драгоценной туфли.

После этого последовал грозный приказ: заасфальтировать эту дорогу. Робких возражений музейных работников, что это нарушит исторический облик, сохраняемый в усадьбе на день смерти великого писателя, дама просто не заметила.

А зря: ушла на пенсию «чиновница от культуры», прошли годы, и новому директору усадьбы, праправнуку писателя Владимиру Толстому пришлось убирать асфальт, восстанавливать исторический облик усадьбы своего прадеда.

Справедливости ради надо сказать, что, в отличие от чиновников местного ранга, правительство РСФСР понимало важность сохранения в неприкосновенности родины Льва Толстого. Помню, какие баталии развернулись вокруг строительства федеральной трассы Москва-Симферополь, проходящей по территории Тульской области.

Сторонники экономии государственных средств предлагали провести ее в непосредственной близости от Ясной Поляны. Тогда бы экология и без того страдающего от близости Щекинского химкомбината «Азот» заповедника пострадала еще больше. Казалось, их аргументы победили: федеральная трасса стремительно приближалась к заповеднику. Но здравый смысл, заявления общественности,

возражения экологов были услышаны: правительство решило вести строительство дороги вдали от исторического места, хотя уже была проведена насыпь сорока километров трассы.

Вот на какие огромные затраты пошло советское правительство, чтобы не навредить наследию великого русского писателя, прославившего не только Тулу, но и Россию на весь мир!

С другой стороны, излишняя щепетильность в этом вопросе иногда здорово мешала позитивному развитию родины писателя. Какие страсти в восьмидесятые годы прошлого столетия кипели вокруг сооружения в непосредственной близости от усадьбы музейно-гостиничного комплекса! Талантливый тульский архитектор Шатохин вместе с группой сподвижников спроектировал такой комплекс, в котором современная постройка не мешала зрительному восприятию старинной усадьбы.

Но нашлась куча завистников, которые на все лады кричали, что это сооружение нарушит дух и колорит музея. В результате комплекс не построили, хотя на него выделялись деньги, и мы имеем то, что имеем. Например, крохотную, неуютную, вечно переполненную кафешку с претенциозным названием «Прешпект». А раньше, в отдельном, теперь снесенном здании, размещалось предприятие общественного питания высшего класса с превосходным ассортиментом вин, закусок и вторых блюд — в этом кафе-ресторане вахтовым методом работали лучшие официанты и повара города Тулы. Отсутствие музейного фондохранилища, в котором планировалось создать условия хранения документов и работы сотрудников по мировым стандартам. И подобие гостиницы в бывшем доме отдыха с умопомрачительными ценами на проживание.

А ведь многим гостям музея-усадьбы, в том числе и тулякам, хотелось бы подольше побыть именно в Ясной Поляне, проникнуться мыслями Льва Толстого в долгих прогулках по окрестностям усадьбы. Короткой пробежки в групповой экскурсии по толстовским местам, конечно, очень мало, чтобы постичь величие гения, проникнуться его мыслями и взглядами.

А вот самого Льва Николаевича Тула к себе манила. В его дневниках имеется великое множество упоминаний о поездках в наш город. Да что там поездки! Это сейчас, современному туляку, кажется невероятно трудным пешком одолеть десять километров, отделяющих легендарную усадьбу от промышленного центра. Мы будем долго ждать переполненный автобус, чтобы проехать в нем одну — две короткие остановки.

Но Лев Николаевич, хоть и был графом, барином, имел в своем

распоряжении конюшню с кучером и прислугой, не гнушался пешком пройтись в Тулу.

«Погода чудная,— записал он в своем дневнике 20 марта 1865 года.— Здоров. Ездил в Тулу верхом. Крупные мысли!» Вот как полезно далеко ездить верхом на лошади: очень хорошо развивает мыслительный процесс. К тому же, полезно для здоровья.

1 июня 1864 года: «Косить не нужно было, и потому пошел в Тулу за товаром… В Туле закупил товар и вернулся домой бодро…» Вот так: пешком не только в город, но и назад. Значит,— двадцать километров. Причем, еще и с закупленным товаром. А было писателю в то время уже 56 лет. Даже по нынешним меркам — уже пожилой человек. В те же времена Антон Чехов писал в одном из рассказов: в комнату вошел старик тридцати лет…

Гений Толстого проявлялся во всем, и в здоровье тоже. Ходил пешком наш великий земляк и в град престольный — Москву. И уже тогда, при жизни, его знала вся Россия, да и мир тоже. Не случайно, в письме литературному критику А.В. Дружинину он так называет свой адрес в Ясной поляне: «Адрес мой — в Тулу просто». Другому своему корреспонденту Толстой тоже сообщает: «Мой адрес всегда — Тула».

Уже одним этим литературный гений прославил наш город. Тула теперь навечно срослась с Ясной Поляной. Почти как у Маяковского: говорим Тула, подразумеваем Ясная, говорим — Ясная, подразумеваем — Тула.

Да и поработать служащим писатель в Туле успел. В качестве канцелярского служителя Тульского губернского правления тридцатипятилетний Лев Толстой работал в здании, которое и поныне прекрасно сохранилось на проспекте Ленина, 36.

Впрочем, вчерашнего студента Казанского университета служба не очень прельщала. Сохранились воспоминания, согласно которым он «ни одного дня целиком не просидел в канцелярии» (Н.Н. Гусев, впоследствии секретарь Толстого).

А вот общественная деятельность была писателю очень интересна. Он принимал активное участие в работе Тульского губернского собрания. Служил мировым посредником, участвовал в кружке педагогов, избирался почетным попечителем Тульского реального училища.

И, несмотря на высокое положение в обществе, на графское звание и богатство, был открыт и доступен простому народу, с жадным вниманием относился к людям из самых разных сословий, старался не выделяться одеждой и манерами.

В этом смысле примечателен случай, описанный другом Толстого, тульским судебным деятелем Н.В. Давыдовым.

В зале тульского Дворянского собрания проходили репетиции пьесы Толстого «Плоды просвещения». Во время одной из них сторож доложил Давыдову, что «какой-то мужик, по-видимому, трезвый, желает непременно видеть меня и требует, чтобы его пустили в залу». «Мы его и гнали уже, да не идет»,— добавил сторож. Я побежал вниз в швейцарскую, догадавшись, кто этот мужик, и, через несколько минут, ввел в залу, к великой радости участвовавших в пьесе, Льва Николаевича, принятого за «мужика» сторожами ввиду его более чем скромной одежды».

Видимо, и поэтому так поразила первая встреча с Толстым великого русского режиссера К.С. Станиславского. Она произошла в доме Давыдова (теперь улица Гоголевская, 47), куда писатель также приехал в крестьянском тулупе. Правда, в отличие от того сторожа, внимательный режиссер обратил внимание не на одежду. Его поразили глаза Толстого: «то острые, колючие, то мягкие, солнечные, в которых блестели искры гениального художника».

Надо сказать, что великий писатель охотно помогал начинающим литераторам. Так он с вниманием отнесся к рукописи комедии молодого крестьянина Ивана Журавого, который служил в трактире в Туле. Толстой помог ему напечатать рассказ «Посредник», про который сам выразился так: «Грубо, страшно, но правдиво». О том, насколько широк был круг тульских знакомых писателя и почитателей его таланта, говорит даже такой их далеко не полный перечень: губернатор М.В. Арцимович и вице-губернатор Л.Д. Урусов, дочь декабриста и поэта К.Ф. Рылеева, начальник оружейного завода В.Н. Бестужев-Рюмин, семья Дельвигов — родственников поэта А.А. Дельвига и многие другие.

Очень прочные связи установились между семьями Толстого и другого тульского губернатора — Н.А. Зиновьего. Однако наш великий земляк никогда не поступался принципами. Как только губернатор принял участие в «усмирении» крестьян села Бобрики Тульской губернии (ныне Бобрик гора, город Донской), Лев Толстой резко оборвал эти отношения. Также поступил он с предводителем тульского дворянства П.Ф. Самариным. Когда он 15 мая 1881 года приехал в Ясную Поляну и стал оправдывать казнь правительством революционеров, Толстой возмущенно крикнул ему: «Так зачем же вы тогда ко мне приехали?»

Правда, и великий мыслитель, и знаток человеческих душ иногда ошибался в первоначальной оценке тульских людей. Летом 1909 года Лев Николаевич записал в дневнике: «Я ходил встречать и встретил Василия Панюшкина. Долго, гуляя, говорил с ним. Прекрасный юноша. В этих, только в этих людях надежда на будущее. Да хоть ничего не выходи из них, хорошо и для них, и для меня, и для всех, что они есть». Не без помощи Толстых прекрасный юноша попал в столицу, поступил в морское училище, получил профессию. Но связал свою жизнь не с той «надеждой на будущее», на которую рассчитывал граф.

Став революционером, он получил высокое назначение в Тульскую губернию: «чрезвычайный военный комиссар по борьбе с контрреволюцией и борьбой за хлеб». И вот здесь-то в полной мере проявился своеобразный талант «прекрасного юноши», который в этой «борьбе» не щадил никого! По губернии ходили слухи: «Прибыл комиссар Панюшкин. Будет хлеб подчистую отбирать, будет мужиков расстреливать». И пошли вагоны с хлебом в Москву и Петроград, оставляя голодать местное население. Так что хорошо с Панюшкиным было далеко не всем.

Общался Толстой и со своими тульскими «братьями» по писательскому цеху. Например, 15 августа 1903 года к нему в Ясную Поляну приехал писатель В.В. Вересаев. А сам Толстой с интересом читал его произведения, особенно ему нравилась повесть Вересаева «Конец Андрея Ивановича».

Очень много для развития и становления музея-усадьбы «Ясная Поляна» сделал праправнук нашего великого земляка, бывший директор музея-усадьбы «Ясная Поляна», ныне советник Президента РФ по культуре Владимир Толстой. А вот тульские писатели, к сожалению, так и не стали постоянными участниками ни знаменитых «толстовских встреч», ни лауреатами не менее знаменитой яснополянской литературной премии.

Возможно, на этом сказалось насмешливое замечание еще классика советской литературы Александра Фадеева, который на одном из писательских съездов, когда речь зашла о Тульской писательской организации, решил пошутить. «До революции в Туле был всего один писатель, а сейчас местная организация выросла до двадцати членов. Правда, тем одним писателем был Лев Толстой, а нынешних никто не знает».

Наверное, и в этом проявилось некое мистическое «противоборство» гения и не отмеченных особыми талантами литераторов. Ведь, как было еще отмечено поэтом, «лицом к лицу лица не уви-

дать». И, в этом свете, уже как-то по-иному могут быть восприняты и объяснены возмутительные в истории Тулы и его общества некоторые факты непочтения своего гениального земляка.

Ведь, когда весь мир переживал по поводу кончины Льва Толстого, «Тульские губернские ведомости» даже словом не обмолвились о смерти великого писателя!

А когда поступило предложение почтить память скончавшегося, один из депутатов городской думы заявил протест против чествования «антихриста».

И не слишком ли долго туляки «созревали» для того, чтобы поставить в своем городе приличный памятник гению мировой литературы? Ведь только в 1973 году, в годовщину 145-летия писателя, на проспекте Ленина, бывшей Киевской улице, по которой так много ходил и ездил Лев Толстой, ему был открыт памятник.

А памятник работы скульпторов В. Буякина и А. Колчина получился великолепным. Толстой изображен в полный рост, на низком постаменте. В нем чувствуется величие гения мировой литературы, писателя, как бы идущего к людям.

И место вокруг памятника стало знаковым. Сюда приходят просто отдохнуть. Здесь проходят творческие встречи. Здесь наглядно видна та огромная любовь, непреходящая память и благодарность, которые чувствуют к своему гениальному земляку простые туляки.

И это вполне объяснимо: ведь все творчество писателя было проникнуто любовью к людям. Не случайно, когда за два года до смерти Лев Толстой написал обращение к людям-братьям «Благо любви», пронизанное любовью и состраданием к ближнему, он закончил свое духовное завещание словами:

«Я думал, что умираю в тот день, когда писал это. Я не умер, но вера моя в то, что я высказал здесь, остается та же, и я знаю, что не изменится до моей смерти…»